

А.С. Лукашкин

**«РОКАМБОЛЬ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»:
ФИГУРА ИВАНА МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА
В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Статья посвящена личности Ивана Манасевича-Мануйлова (1869 или 1871–1918), журналиста и агента Охранного отделения, в контексте взаимодействия между литературой и социально-бытовой средой, установившегося к концу XIX в. Биографические перипетии Мануйлова рассматриваются через призму канона приключенческих романов наподобие саги о Рокамболе Понсона дю Террайля. Писательский опыт Мануйлова раскрывает новые возможности для интерпретации реалий эпохи.

Ключевые слова: русская литература XIX в., французская литература XIX в., французский роман-фельетон, Понсон дю Террайль, Рокамболь, И.Ф. Манасевич-Мануйлов.

**Введение. Личность Мануйлова
как объект научного исследования**

К концу XIX в. в России устанавливается взаимодействие между литературой авантюрного жанра и социально-бытовой средой, в котором тексты служили подпиткой для плутовского поведения, а реальные аферы, наоборот, входили в художественную сферу.

При изучении рецепции романов о Рокамболе Понсона дю Террайля в России 1860–1910 гг. наше внимание привлекла фигура И.Ф. Манасевича-Мануйлова (1869 или 1871–1918; далее – Мануйлов), журналиста и агента Охранного отделения в эпоху правления Николая II. В биографических и мемуарных материалах его окрестили «русский Рокамболь»: «Манасевича-Мануйлова можно без преувеличения назвать русским Рокамболом», – пишет в своих мемуарах Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, брат Владимира Бонча-Бруевича [1. С. 95]. С большой долей вероятности он заимствует

сравнение из уже опубликованного на тот момент биографического сочинения «Иван Манасевич-Мануйлов, или Русский Рокамболь» К. Бецкого и П. Павлова [2].

Таким образом сформировалась исследовательская задача – определить, что общего могло быть между Мануйловым, заметной исторической фигурой в предреволюционной России, и героем серии романов-фельетонов Рокамболом? Очевидно, общим знаменателем биографии Мануйлова и Рокамболя выступили их поведенческие практики, а именно склонность к авантюре и авантюрному поведению¹. Однако объяснить такое сходство совпадением представляется недостаточным.

В качестве гипотезы выступает идея, что обнаруженные схожие поведенческие установки обусловлены не совпадением, а предвосхищены и детерминированы литературным контекстом эпохи. Именно литература, активно влияющая на социально-бытовую среду, служила подпиткой для автобиографических конструкций. В случае так называемых авантюристов речь идет прежде всего о рецепции французских авантюрных романов фельетонов в России 1860–1870-х гг. Таким образом, данная статья – это попытка интерпретировать поведение Мануйлова через литературные установки и, в то же время, проиллюстрировать социальную сторону рецептивно-го процесса романов о Рокамболе в России через его фигуру.

При составлении корпуса литературы стало очевидным преобладание работ по истории, в фокус внимания которых попадает личность Мануйлова. В научной традиции он чаще привлекал внимание историков ввиду его тесной связи не только с Охранным отделением, но и с министрами, а также с Распутиным накануне падения царского режима и прихода советской власти. Его деятельность послужила почвой для многочисленных конспирологических теорий. Данная статья не предлагает подробного пересказа биографии Мануйлова – пусть даже она любопытна и заслуживает внимания, – так как неоднократно становилась предметом изучения как в исторической,

¹ *Авантюр(а), авантю(у)рищик, авантюрье(р):*

1. Середина XVIII в., непосредственно из французского, а также через польский – «приключение, похождение; происшествие, случай», «искатель приключений; бродяга, плут; авантюрист».

2. Необдуманное военное или политическое действие [3].

мемуарной литературе, так и в энциклопедической: Мануйлов включен, к примеру, в словарь «Русские писатели 1800–1917».

Впервые же биография Мануйлова была описана в документально-популярной книге К. Бецкого и П. Павлова «Русский Рокамболь (Приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова)». Эта работа разделена на две части: первая из них написана Павловым (псевдоним П.Е. Щеголева) и публиковалась в журнале «Былое» (1917, № 5–6). Она предлагает набор выписок из секретного дела о Мануйлове, которое до 1916 г. оставалось в тайне. Вторая часть, написанная Бецким и вышедшая из печати впервые в 1925 г. [2. С. 11], предлагает новый набор выписок, завершающих повествование о биографии Мануйлова, но постоянно перемежающихся с художественными отступлениями Бецкого. Во введении авторы следующим образом обосновывают актуальность своего труда:

Для нас, живущих, жизнь Мануйлова – необходимый и неустрашимый эпизод истории падения режима. Чтобы понять, почему пал режим и почему пал именно так, а не иначе, историк, наряду с фигурами крупными, патетическими и драматическими, фигурами с крупными именами, – должен заняться и мелкой, юркой, специфически характерной фигурой коллежского ассессора.

Для данного исследования Иван Мануйлов – персонаж, находящийся на пересечении истории и литературы – представляется более значимым. Мы попытаемся показать, как Мануйлову удалось объединить в своих поведенческих практиках максимально большой набор элементов, присущих авантюрному жанру, и воплотить их в одной из самых распространенных социальных ролей эпохи, став фигурой незаурядного масштаба. В этом свете новой выглядит именно литературная трактовка жизненного пути Мануйлова, под-сказанная, с одной стороны, историками и мемуаристами, а с другой – жизнедеятельностью Мануйлова.

Обозначим несколько основных направлений анализа. В первой части будет предложен исторический комментарий литературного контекста 1860–1880-х гг., в котором воспитывается личность Мануйлова. В характерном для литературы этой эпохи взаимообмене будут выделены две стороны рецептивного процесса – Россия и Франция. Во второй части будет отмечена связь Мануйлова с лите-

ратурным миром через его литературную и переводчико-издательскую деятельность. Наконец, в третьей части его биография будет напрямую сопоставлена с канонами авантюрного романа.

І. Литературный контекст эпохи 1860–1880 гг.

а. Франция

Упоминание Рокамболя в неофициальном прозвище Мануйлова задает четкую литературную «систему координат». Оно отсылает к серии романов о Рокамболе «Парижские драмы, или Подвиги Рокамболя» Понсона дю Террайля, которая была чрезвычайно популярна во Франции и в России в 1850–1870-х гг. Главный персонаж, Рокамболь, по ходу саги перевоплощается из преступника в детектива и удерживает внимание читателей непредсказуемыми и невероятными приключениями, которые во французском языке получили эпитет *rocambolésque* – «невероятный», или «в стиле Рокамболя».

Секрет популярности и долголетия саги о Рокамболе кроется в конъюнктуре литературного рынка эпохи. Строгая политическая цензура Второй империи благоприствовала развитию развлекательной прессы с описанием происшествий и светских сплетен, так же как и родственному жанру романа-фельетона. Роман-фельетон наполнял собой все издания, появлялся во всех формах – от фельетона в ежедневных газетах до еженедельных *газет-романов* и литературных журналов. В совокупности с развивающейся техникой производства и распространения (феномен *la petite presse*, «маленькой прессы»), увеличением количества результатов иллюстраций [4] эти факторы обеспечили стабильный успех серии о Рокамболе.

Однако сама «рокамболиада» за время своего существования претерпела немало изменений в жанровом и сюжетном плане. Например, Понсон адаптировал свое письмо к ожиданиям публики, меняя главных героев и стиль повествования. Так, первая часть «Таинственное наследство» вполне может быть рассмотрена как самодостаточный законченный текст со своей фабулой и главным героем Арманом. Но по ходу публикации фельетона внимание публики смещается, и в следующих за «Таинственным наследством» частях

Арман уходит в тень, а в центре действия появляются Баккара и Андреа. Вскоре мы встречаем еще одного персонажа, «мальчугана лет двенадцати – хитрого, наглого и уже развращенного» [5. Т. 1. С. 78]. Изначально ему предназначалась роль второго плана: фигура малой важности, ни то ни се, словом, *rocambole* какой-то (в лексике XIX в.: «пустышка, неважная вещь»). Но на стороне Рокамболя его смелость, дерзость, он не лезет в карман за острым словом (напомним, что «рокамболь» – это еще и испанский сорт чеснока). Каждое его появление радовало и читателя, и писателя. Довольно быстро Рокамболу пришлось искусственно состариться на четыре года, чтобы более соответствовать своему новому амплу «сына Парижа, познавшего столицу в совершенстве». Его роль и значимость эволюционируют постепенно: во второй части «Клуб червонных валетов» он выступает главным помощником мстительного Андреа, но его еще нельзя назвать главным героем романа. А уже в следующем эпизоде он становится не только главным, но и заглавным персонажем: «Подвиги Рокамболя» полноценно помещают недавнего второстепенного героя в эпицентр повествования.

Вместе с изменением статуса Рокамболя Понсон адаптирует и жанровую составляющую. Романы о Рокамболе стали переходными во французском развитии романа-фельетона к чисто детективному жанру, элементы которого все больше прослеживались с каждой новой частью саги. Так, начиная с «Клуба червонных валетов» можно отметить признаки английского уголовного романа, который в эту эпоху был популярен на книжном рынке Европы [6]. К середине саги, в «Возрождении Рокамболя», ее главный герой уже начинает походить на сыщика. Он входит в новую роль постепенно, и к эпизоду «Лондонская нищета» влияние английского детектива становится доминирующим.

Любопытно, что в первых частях саги персонаж, который отвечал за детективный сюжет, вовсе не Рокамболь, а его соперник – некий Тимoleon, списанный, по-видимому, Понсоном с Видока. Через него автор выводит на сцену филеров и сыщиков, в которых угадываются некоторые черты героев-шпионов, чудесным образом выбирающиеся из самых запутанных ситуаций. Позже уже Рокамболь будет использовать свои таланты для поимки преступников – например, умение маскироваться и перевоплощаться: по ходу дей-

ствия, он примеряет самые разные роли от шведского виконта до бразильского маркиза. Однако сам процесс поиска не является сюжетообразующим; переход к нему будет завершён новыми фельетонистами нового поколения и последователями Понсона². Тем не менее вклад саги о Рокамболе в развитие детективного романа остаётся значительным.

Эта жанровая эволюция, осуществлённая Понсоном, отвечает конкретным запросам французской читательской публики [7]. Как отмечает исследователь Доминик Калифа, интерес к детективному чтиву напрямую связан с популярностью уголовных сюжетов в прессе второй половины XIX века [8. Р. 9]. В таких «народных» газетах, как *Le Petit Parisien* и *Le Petit Journal*, был высок процент публикаций на тему агрессии, взломов, преступлений. Калифа прослеживает также следующую эволюцию: теперь журналист не только рассказывает о расследовании, но и сам его ведёт. Понсон, таким образом, находится в одном ряду с Леру, Леблан и Габорио, которые эксплуатируют новую формулу жанра.

Итак, Рокамболь превращается из мальчишки-преступника, выходца из парижских трущоб наподобие героев «Парижских тайн» (1843) Эжена Сю в детектива-супергероя и приобретает «сверхчеловеческий» ареол [9. Р. 65]. Этот факт позволяет констатировать разнобразие ключевых понятий, терминов, к которым можно отнести Рокамболя в свете анализа фигуры Мануйлова: «мошенник», «авантюрист», «детектив» и «сверхчеловек».

в. Россия

Произведения Понсона дю Террайля быстро переводились и вскоре были доступны русскому читателю, не владеющему французским языком. Практика публикации переводов в журналах и в отдельных томах описана А.И. Рейтблатом [10. С. 78]. Такие переводы, как правило, выпускались настолько быстро после появления оригинального текста с целью поддержания читательского ин-

² Отметим самого близкого «наследника» Рокамболя Арсена Люпена, придуманного Морисом Лебланом, а также романы «Парижские рабы» (1868) и «Лекко, агент сыскальной полиции» (1869) Эмиля Габорио.

тереса и уступали оригиналу в качестве, так как скорость их выхода в печать достигалась за счет многочисленных сокращений.

В 1867 г. в Санкт-Петербурге вышли три тома «Парижских драм» на русском языке, следом появились «Похождения Рокамболя», включающие эпизоды «Воскресший Рокамболь» (1869) и «Последнее слово о Рокамболе» (1870) – это так называемое издание Львова [11, 12]. В 1878 г. вышла еще одна версия без указания издателя и переводчика, но по тексту которой было исполнено большинство послереволюционных переизданий саги о Рокамболе [13].

Благодаря объемному изданию переводов в форме брошюр и их популярности в библиотеках для чтения [10. С. 66], Рокамболь быстро закрепляется в литературном и общественном сознании России XIX в. Многочисленные писатели апеллируют к опыту чтения саги о Рокамболе: Г.И. Успенский в очерке «На старом пепелище» из цикла «Новые времена, новые заботы» (1873), А. П. Чехов в цикле «Осколки московской жизни» (1883) и Н.Г. Гарин-Михайловский в романе «Студенты» (1895) и т. д.

В то же время в общественном сознании переводные романы о Рокамболе резонируют с громким судебным процессом: в Москве дворянская молодежь, подражая клубу «Червонных валетов», упомянутому в одном из эпизодов серии романов о Рокамболе, создала подобную группу, занимавшуюся вымогательством и мошенничеством в 1871–1875 гг.³ Их основной деятельностью было похищение имущества путем выманивания, подлогов, введения в обман и пр. Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей 8 февраля – 5 марта 1877 г. также инкриминировало «Клубу червонных валетов» кощунство, оскорбление должностных лиц, грабеж и даже убийство. Дело о «Клубе червонных валетов» стало одним из самых громких судебных процессов за историю Российской империи, так как объединило в себе несколько особенных черт: испытание недавно введенного института присяжных, большое количество обвиняемых на скамье

³ Информацией об этом и других преступных сообществах, ярких авантюристах была переполнена московская и петербургская пресса 1880–1900-х гг. Сводки новостей и корреспонденции публиковались в газетах «Московский листок», «Новости дня», «Петербургский листок», «Вести», «Русский листок» и др.

подсудимых (48 человек), выступления лучших представителей российской адвокатуры. В течение месяца оно активно освещалось в московской и петербургской прессе⁴.

Данный феномен косвенно упрочил ассоциативную связь Рокамболь – аферист. Об этом свидетельствуют художественные и публицистические тексты, такие как «Дневник писателя» (1877) Ф.М. Достоевского, «Дети Москвы» (1877) М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Свадьба» (1889) А.П. Чехова, «Уголовная чернь» (1911) А.В. Амфитеатрова и др. Согласно «Фразеологическому словарю русского языка» [14], «червонный валет» обозначает «устар. Плут, пройдоха».

Любопытно появление этого типа в высших чинах, которые безусловно представлял Мануйлов, и его действия в государственной сфере:

Червонный валет смотрит на своего собеседника, как на «фофана». И вдруг – мысль! Продать этому «фофану» казенные присутственные места [15. С. 396].

Таким образом, описанный литературный контекст эпохи обрамляет появление на общественно-политическом горизонте Мануйлова, свидетельствует о популярности и использовании «Рокамболя» в текстах разных жанров в качестве лексического синонима словам «мошенник», «аферист», «авантюрист». Теперь же изучим писательский опыт Мануйлова в его связи с авантюрной литературой.

II. Литературная деятельность Мануйлова

а. Мануйлов-журналист

Литературная деятельность Мануйлова была разнообразной: журналист и театрал, переводчик французских фарсов, он был близок к авантюрной литературе и к авантюре вообще, в том числе писательской. Так начинается его карьера в охранном отделении, о чем свидетельствует характеристика из его дела при рассмотрении про-

⁴ Процесс освещался в многочисленных газетах и журналах, среди которых были «Московские...», «Русские...», «Биржевые...» и «Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Современность», «Судебный вестник», «Новое время», «Голос», «Петербургская газета», «Наш век» и др.

шения об аккредитации на празднества, приуроченные к коронации Николая II (1896):

Мануйлов Иван Федорович состоит секретарем редакции газеты «Новости». Указаний на его политическую неблагонадежность не имеется, с нравственной же стороны он известен за человека не только не заслуживающего какого-либо доверия, но и в высшей степени предосудительного. Не дальше как в прошедшем году Мануйлов, приехав в Париж, якобы по поручению и делам редакции газеты «Новости», познакомился там с одним из агентов Парижской Префектуры, специально занимающихся русскими делами, назвалсЯ состоящим при нашем Министерстве Внутренних Дел и заявил, что командирован за границу для контроля деятельности нашей парижской агентуры, которою, будто бы, недовольны в Петербурге. При этом он предложил агенту за особое вознаграждение содействовать исполнению возложенного на него, Мануйлова, поручения. Изобличенный в самозванстве и во лжи, он в оправдание и объяснение неблаговидного своего поступка тотчас же прибегнул к новой лжи, назвавшись агентом Санкт-Петербургского Охранного Отделения и действующим в Париже, хотя и на свой страх и не имея полномочий, но в интересах сего последнего, за что и предполагал получить денежное вознаграждение. Вынужденный оставить Париж, не осуществив своих шантажных вымыслов, Мануйлов, возвратясь в Петербург, не прекратил предосудительный образ действий и вошел в письменные сношения с проживающим в Париже комиссионером-евреем, стараясь через него собрать полезные для себя сведения о деятельности нашей парижской агентуры, уверял при этом, что успешное выполнение его поручений будет щедро вознаграждено лицами, заинтересованными этим делом в Петербурге и по уполномочию которых он действует.

(Заключение: В виду нравственных качеств, безусловно отклонить.)

(Резолюция: совершенно согласен) [16. Л. 140].

Мануйлов начинал свою карьеру как журналист, работая с 1892 г. корреспондентом газеты «Театральный мирок», неоднократно командировался, приезжал в Париж, где сотрудничал с газетой «Gil Blas» [17]. Его настойчивые попытки связать свою карьеру с Охранным отделением увенчалась успехом, и ему была поручена миссия по «вступлению в сношения с иностранными журналистами и представителями заграничной печати в целях противодействия распространению в названной прессе ложных сообщений о России» [18. Л. 3]. Таким образом, сочинительство и сотрудничество в газетах стало для Мануйлова не только журналистской деятельностью, но и «трамплином» для продвижения вверх в государственной службе.

Тем не менее вся политическая и секретная деятельность Мануйлова сопровождалась журналистской практикой, которая позволяла ему заводить новые знакомства, а также являлась «убежищем», куда он мог укрыться в моменты своих «падений». В 1905 г. он выпускал официозную газету «La revue russe» (вышло всего два номера, но деньги на выпуск газеты Мануйлов получал несколько лет [19. Л. 7]). С 1906 г. он печатался в «Новом времени» А.С. Суворина (с 1910 г. – сотрудник редакции), с 1911 г. Мануйлов – одновременно один из основных сотрудников «Вечернего времени», где он опубликовал путевые очерки о поездке по воюющей Европе.

в. Мануйлов-переводчик

Журналистская деятельность Мануйлова позволяет оценить высокую степень его вовлеченности в литературную жизнь Франции и России. Помимо этого он был близок к театру и имел опыт перевода французских пьес. В 1895–1900-х гг. совместно с Б.И. Бентовиным Мануйлов переделал для русской сцены полтора десятка пьес, преимущественно французских фарсов за авторством П. Фуше и А. Додде. В 1903 г. он фигурирует среди учредителей Союза драматургических и музыкальных писателей [17].

Представляется целесообразным изучать переводческие опыты Мануйлова на предмет сюжетной выборки пьес. Возьмем несколько примеров:

1. «Дама под вуалью» (1899). Комедия-фарс. Действие происходит в Париже в наши дни.

Поль, секретарь барона, обманывает доверчивого агента префектуры Фаламбара и представляется бароном. В то же время друг Поля Лабертен представляется Полем. Любовная интрига усложняется до абсурда, и образуется путаница, из которой Полю удастся выбраться безнаказанно.

2. «Пеленки» (1901). Фарс в трех действиях. Действие происходит в Париже в наши дни.

Рассказывается история о чиновнике, чей зять пытается обманым путем получить с него деньги за каждого нового рожденного ребенка.

3. «Жак-Потрошитель» (1901). Мелодрама в пяти действиях. Действие происходит в Лондоне.

Повествуется история Жаксона, который организует преступную группировку и вместе с сообщниками грабит и убивает. Разворачивается драма, когда на сцену выходит Блаки, настоящая мать Жаксона, работающая на полицию.

Как мы можем констатировать, выбор пьес не только обнаруживает резонирующие с биографией Мануйлова темы (обман агента парижской Префектуры), но и россыпь элементов, традиционно относящихся к авантюрному жанру: смену ролей и фамилий, ношение масок и грима, поиск легкого обогащения, непредсказуемые родственные и любовные связи. Это позволяет нам подчеркнуть, что Мануйлов, очевидно, соотносил себя с авантурными героями, представленными в литературе эпохи. Таким образом, мы можем изучать, как повторяющийся в авантурной литературе сюжет о «высочке» воплощается в биографии Мануйлова.

III. Биография Мануйлова как путь авантурного героя

а. Политическая авантюра в литературе

Авантюрист, оказавшийся в кресле чиновника, – этот фантазматический извод уже был известен как во французской, так и в русской литературе. Например, журналист Анри Рошфор в одном из первых выпусков своего сатирического журнала «La Lanterne» [20] публикует рассказ «Rocamboles homme politique» («Рокамболь-политик»), в основу которого ложится идея о рокировке ампулы «авантюрист» – «политик». По сюжету Рокамболь подменяет «одного из самых могущественных министров одного из самых могущественных королей Европы» и остается незамеченным. Сатирическая составляющая рассказа, направленная против режима Второй империи, обличает безнаказанность преступлений и растрат, совершаемых Рокамболом уже в статусе министра, и таким образом ставит знак равенства между авантюристом и политическим деятелем.

Такой же плутовский сюжет ложится в основу сочинения «Рокамболь, государственный человек» А.С. Суворина [21], который в это время экспериментировал в фельетонном жанре. Проблемы, про-

тив которых был направлен текст Рошфора, оказались актуальными и для российской действительности. Суворинскому Рокамболу удастся отравить министра, с помощью его жены избавиться от тела и занять его место так, что никто в государстве не заметил подмены. Заполучив «министерское кресло с париком, содержанием и накладным животом покойного, Рокамболь предался плачевным своим наклонностям»: стал брать крупные взятки, играть на бирже. Когда Рокамболь поинтересовался у супруги, не выдаст ли он себя таким поведением, она успокаивала его, отвечая, что муж вел себя точно так же. «Наконец Рокамболь умер, оставив миллионы. Похоронили его с необыкновенным великолепием. И никому в голову не пришло, что министр переменился». Под видом пародии на авантюрный роман А.С. Суворин в своем рассказе поставил разбойника на место министра и не увидел между ними различий.

Могущество правительственной верхушки, неэффективность работы чиновников, незащищенные положения журналистов стали основными темами для скрытой критики в этой короткой литературной зарисовке. Как Рошфор, так и Суворин впоследствии неоднократно возвращались к этим темам. В данном примере нас интересовал сам сюжет подмены чиновника Рокамболом, описанный Рошфором, а затем и Сувориным в их пародиях. Занимательно, что впоследствии Мануйлов работал сотрудником «Нового времени» Суворина.

в. Политическая авантюра в биографии Мануйлова

Воплощение описанной выше вымышленной и, казалось бы, гротескной ситуации происходит в политической и служебной карьере Мануйлова. Сопоставление с авантюристом выводится не только из его литературной деятельности, но и отмечается его современниками. Так писал про Мануйлова в своем дневнике французский посол: «Ум у него быстрый и изворотливый; он любитель широко пожить, жуир и ценитель художественных вещей; совести у него ни следа. Он в одно время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник – странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Роббера Макэра и Видока» [22. С. 39]. Действительно, факты из жизни Мануйлова соответствуют основообразующим элементам биографий авантюристов.

Как и у любого авантюриста, само происхождение Мануйлова изобилует путаными сведениями и «темными пятнами». До сих пор не установлен точный год его рождения – 1869-й или 1871-й, а формулярный список говорит, что в 1910 г. Мануйлов «имел 40 лет» [2. С. 2]. Мануйлов – внебрачный сын Петра Ив. Мещерского (отца Влад. Петр. Мещерского) и еврейки Х. Мавшон. Был усыновлен купцом Ф.С. Манасевичем-Мануйловым, за подделку финансовых документов сосланным в Сибирь и ставшим там крупным золотопромышленником и известным деятелем народного просвещения [17]. Сын еврейки, Мануйлов был лютеранского вероисповедания. Таким образом, Мануйлов уже волею судьбы соответствует одному из главных параметров-признаков авантюриста: «Истинный рыцарь удачи – человек без отчизны, без роду и племени, без возраста» [23. С. 23–24]. Такое происхождение, можно сказать, оказалось для Мануйлова «приговором», поставившим крест на удачной социальной адаптации. Его жизнь продолжала складываться из звеньев авантюрной биографии.

Появление и первые шаги авантюриста в обществе всегда сопровождаются слухами и разговорами о нем. В случае Мануйлова здесь не обошлось без скандальных подробностей о его жизни: говорили о разбрасывании деньгами, кутежах и проигрышах в карты в компании Мосолова и князя Мещерского [2. С. 3]. Также ходили настойчивые слухи о гомосексуальных связях Мануйлова [17]. Этот последний факт, кстати, оказывается, еще одним критерием настоящего авантюриста:

Он равно притягивает мужчин и женщин, пробует свое обаяние и на тех, и на других. <...> Гомосексуальные связи вполне естественны для столь переменчивого и многоликого существа, как авантюрист. <...> Авантюрист постоянно нарушает сексуальные нормы, соблазняя женщин и мужчин [23. С. 19, 26, 138].

Пиком славы в жизни Мануйлова стали, несомненно, 1900–1906 гг., когда он пользовался большим доверием в Департаменте царской охраны. Можно назвать несколько основных причин его подъема. Во-первых, его умение налаживать контакт с людьми разного социального статуса: «С какими пестрыми людьми только приходилось ему встречаться и беседовать! Коронованные особы, круп-

ные общественные деятели за границей, министры и дипломаты; Азеф, Гапон, Рачковский, Витте, Делькассе, Сара Бернар – все это мелькало перед ним с быстротой кинематографической ленты» [24]. Во-вторых, усердно создаваемая им репутация человека, умеющего разрешить все проблемы. На протяжении осени 1904 г. Мануйлов отправляет отчеты о захвате им секретных шифров китайского, шведско-норвежского, японского, германского правительств, ведет наблюдение за японскими шпионами, управляет русской агентурной сетью по всей Европе [25. Л. 29, 68, 249]. Однако, как и любой авантюрист, Мануйлов постоянно переживает взлеты и падения. «Падений» у него было несколько: откомандирование из Парижа и отказ в дальнейшем сотрудничестве со стороны Охранного отделения [19. Л. 5]; суд в 1911 г. с обвинением в мошенничестве; заключение в тюрьму и, наконец, расстрел [17].

Любопытно, до какой степени – сознательно или бессознательно – Мануйлов строит свою биографию как герой романа-фельетона. Его бытовое поведение полностью укладывается в традицию Рокамболя: его, как и всех авантюристов, непреодолимо влечет к роскоши; он большой знаток женщин, сигар, лошадей и иностранной политики. Его постоянно тянет в Париж, где он часто и долго жил. Такой выбор города и французской ауры тоже могут быть трактованы как дополнение к авантюрной самоидентификации: как показал А. Строев, авантюриста притягивает пространство, где обитает фортуна [23. С. 21, 296], причем тогда он берет на себя функции распространителя французских мод и французского языка [Там же. С. 23].

Так, просматривается явная параллель между главными чертами Мануйлова и Рокамболя: оба были, с одной стороны, аферистами и мошенниками, а с другой – детективами и секретными агентами. Оба заключали в себе нечто от «сверхчеловека» и «супергероя». Однако справедливым будет отметить, что данная характеристика относится не столько к Рокамболю в частности, сколько к канону авантюрного поведения вообще. Интересно, что для феномена Мануйлова-авантюриста, «русского Рокамболя», предреволюционная Россия явилась благодатной почвой сразу в нескольких аспектах. Во-первых, в социальном аспекте: с 1860–1870-х гг. Россия вступила в эпоху разного рода афер и громких судебных процессов, количество мошенников и аферистов значительно выросли [26]. Во-вторых, в политическом аспекте: внутри-

политическая нестабильность, пришедшая с поражением в Крымской войне и периодом Великих реформ, и вызвала зарождение политических движений разной направленности. В-третьих, в литературном аспекте: на нем мы попытались сосредоточиться в данной статье, продемонстрировав активный взаимообмен, установившийся между литературной и общественной средой. Так, литература может выступить системой координат, которой руководствуются реальные люди. Пример Мануйлова представляет феномен «сверхавторства», когда реальные персонажи проживают свою жизнь по литературным (в данном случае – авантюрным) схемам.

Литература

1. *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. Литературная запись Ильи КреMLEва. М.: Воениздат, 1957. 359 с.
2. *Бецкий К., Павлов П.* Русский Рокамболь (Приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова). Л.: Былое, 1925. 240 с.
3. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1984. Вып. 1. 224 с.
4. *Queffelec L.* Le Roman-feuilleton français au XIXème siècle. Paris: Presses universitaires de France, 1989. 127 p.
5. *Дю Террайль П.* Полные похождения Рокамболя: В 2 т. М.: Терра, 1993. Т. 1. 431 с.
6. *Messac R.* Le «Detective novel» et l'influence de la pensée scientifique. Paris: Encrage, 2011. 592 p.
7. *Kalifa D.* L'Encre et le Sang. Récits de crimes et société à la Belle Époque. Paris: Fayard, 1995. 352 p.
8. *Kalifa D.* La Culture de masse en France. Paris: La Découverte, 2001. Т. 1: 1860–1930. 128 p.
9. *Eco U.* De Superman au Surhomme, (Il Superuomo de Massa) [1978], traduit de l'italien par Myriem Bouzaher. Paris: Grasset et Fasquelle, 1993. 252 p.
10. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
11. *Дю Террайль П.* Воскресший Рокамболь. Кн. 9: Заклятая гостиница (роман с французского). СПб.: Издание Н.С. Львова. Печатня В. Головина у Владимирской, 1868. 233 с.
12. *Дю Террайль П.* Последнее слово о Рокамболе. Ч. 5: Драма в Индии (роман с французского). СПб.: Издание Н.С. Львова, 1869. 287 с.
13. *Дю Террайль П.* Полные похождения Рокамболя: В 2 кн. М., 1878. Кн. 1. 431 с. Т. 2. 457 с.

14. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худ. лит., 1971. Т. 12. 752 с.
16. Корреспонденты // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 93 «3-е делопроизводство. 1895г.». № 1422. Т. 5.
17. *Рейтблат А.И.* Манасевич-Мануйлов И.Ф. // Русские писатели: Биографический словарь. 1800–1917. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1994. Т. 3. С. 504–505.
18. Об отпуске денег Чиновнику Особых Поручений Ивану Федоровичу Мануйлову // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 99 «3-е делопроизводство. 1901 г.». №. 1046. Т. 3.
19. О командировании Действительного Статского Советника Лемтюжников в Париж // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103 «3-е делопроизводство. 1905 г.». № 1685.
20. *Rochefort H.* Rocambole homme politique // *La Lanterne*. 1868. № 3 от 13 июня.
21. Суворин А.С. Рокамболь, государственный человек // Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 14 (16) августа.
22. *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 454 с.
23. *Строев А.Ф.* Те, кто поправляет фортуна. Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
24. Петроградский листок. 1916. 21 августа.
25. Об отпуске денег на содержание секретного отделения дипломатической агентуры // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 102 «3-е делопроизводство. 1904 г.». № 3654. Ч. 1.
26. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост.: И. Потапчук. Тула: Автограф, 1997. 513 с.

“ROCAMBOLE, THE STATESPERSON”: THE FIGURE OF IVAN MANASEVITCH-MANUILOV IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 11, pp. 121–139. DOI: 10.17223/24099554/11/5

Alexey S. Lukashkin, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Sorbonne University (Paris, France). E-mail: l.lukashkin@gmail.com

Keywords: 19th-century Russian literature, 19th-century French literature, feuilleton novel, Ponson du Terrail, Rocambole, Ivan Manasevich-Manuylov.

By the end of the 19th century, an interchange between the adventurous literature and the common social behaviour was established in Russia when texts were used as a source of inspiration for marginals, and real con men, on the contrary, were constantly present in the fiction. One of the reasons for this phenomenon was the spread of French *feuilleton* novels in the 1860s–1870s. In particular, the appearance of the Rocambole saga (*Les Drames de Paris*, 1857–1870) by Ponson du Terrail in Russian fiction was an important milestone in this process. The first Russian translations of these

novels were released by N.S. Lvov's Publishing House in Saint Petersburg in 1868–1869.

By the beginning of the 1870s, the *Rocambolesque* plot not only was included in the vocabulary of Russian writers and journalists, but also changed some patterns of a common social behaviour. For example, the hearing of the case of the Knaves of Hearts, a Moscow gang which troubled the society by reproducing the crimes of Rocambole novels in real life, aroused public interest. Fyodor Dostoevsky, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Anton Chekhov and some other writers of that time mentioned the case in their works. However, the “soil” for planting the story about the adventurer Rocambole had already been fertile since the post-reform period in Russia was full of profiteering and fraud in various spheres of life.

This article focuses on the model of a political “adventure” in its connection with the Rocambole novels. Curiously, this option had been anticipated both in French and Russian literatures. So, the French journalist Henri Rochefort in his satirical magazine *La Lanterne* publishes a short story “Rocambole homme politique” [Rocambole, The Politician] based on the idea of switching the roles between an “adventurer” and a “politician”. A similar picaresque plot was used for the essay “Rocambole, The Statesperson” by Aleksey Suvorin.

This fictional and obviously grotesque situation was nevertheless incarnated in the figure of Ivan Manasevich-Manuylov (1869/1871–1918), a journalist, and later an agent of the State Security Department. It was no coincidence that the author of his biography, the historian Pavel Shchegolev, entitled it *The Russian Rocambole*: the literary interpretation reveals his personality in a new way. Manasevich-Manuylov appeared on “stage” of the social and political life in the early 1890s as a journalist and translator of French farces. His subsequent life pattern remarkably includes most of the typical traits of an “adventurer” behaviour that had been established in the Enlightenment era, such as: confused origins, marginal behaviour, attraction to luxury and French culture, numerous “resurrections” – these and many other features correlate with the biographies of famous adventurers. Thus, Manasevich-Manuylov assimilates and impersonates the literary canons of the adventurous genre in his own biography, taking advantage of the favourable social and political situation.

References

1. Bonch-Bruevich, M.D. (1957) *Vsya vlast' Sovetam: Vospominaniya. Literaturnaya zapis' Il'i Kremleva* [All power to the Soviets: Memories. Literary recording by Ilya Kremlev]. Moscow: Voenizdat.
2. Betskiy, K. & Pavlov, P. (1925) *Russkiy Rokambol' (Priklyucheniya I.F. Manasevicha-Manuylova)* [Russian Rocambole (The Adventures of I.F. Manasevich-Manuylov)]. Leningrad: “Byloe”.
3. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Is. 1. Leningrad: Nauka.

4. Queffélec, L. (1989) *Le Roman-feuilleton français au XIXème siècle*. Paris: Presses universitaires de France.
5. Ponson du Terrail, P.A. (1993) *Polnye pokhozhdeniya Rokambolya: V 2 t.* [Complete Adventures of Rocambole: In 2 vols]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Terra.
6. Messac, R. (2011) *Le "Detective novel" et l'influence de la pensée scientifique*. Paris: Encrage.
7. Kalifa, D. (1995) *L'Encre et le Sang. Récits de crimes et société à la Belle Époque*. Paris: Fayard.
8. Kalifa, D. (2001) *La Culture de masse en France*. Vol. 1. Paris: La Découverte.
9. Eco, U. (1993) *De Superman au Surhomme, (Il Superhuomo de Massa)* [1978]. traduit de l'italien par Myriem Bouzaher. Paris: Grasset et Fasquelle.
10. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Ponson du Terrail, P.A. (1868) *Voskresshiy Rokambol'* [The Resurrection of Rocambole]. Vol. 9. Translated from French. St. Petersburg: Izdanie N.S. L'vova. Pechatnya V. Golovina u Vladimirskey.
12. Ponson du Terrail, P.A. (1869) *Poslednee slovo o Rokambole* [Rocambole's Last Word]. Pt. 5. Translated from French. St. Petersburg: Izdanie N.S. L'vova.
13. Ponson du Terrail, P.A. (1878) *Polnye pokhozhdeniya Rokambolya: V 2 kn.* [Complete adventures of Rocambole: In 2 books]. Book 1. Vol. 2. Translated from French. Moscow: [s.n.].
14. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'.
15. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1971) *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Collected Works: In 20 vols]. Vol. 12. Moscow: Khud. literatura.
16. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. List 93 3-e delo-proizvodstvo. 1895 g. [Filing 3. 1895]. No. 1422. Vol. 5. *Korrespondenty* [Correspondents].
17. Reytblat, A.I. (1994) Manasevich-Manuylov I.F. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli: Biogr. Slovar'. 1800–1917* [Russian writers: Biographical dictionary. 1800–1917]. Moscow: Bol'shaya ros. entsiklopediya; Fianit.
18. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. List 99 3-e delo-proizvodstvo. 1901 g. [Filing 3. 1901]. No. 1046. Vol. 3. Ob otpuske deneg Chinovniku Osobykh Porucheny Ivanu Fedorovichu Manuylovu [About giving money to the Official of Special Orders Ivan Manuylov].
19. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. List 103 3-e delo-proizvodstvo. 1905 g. [Filing 3. 1905]. No. 1685. *O komandirovanii Deystvitel'nogo Statskogo Sovetnika Lemtyuzhnikova v Parizh* [About sending the State Councilor Lemtyuzhnikov to Paris].
20. Rochefort, H. (1868) Rocambole homme politique. *La Lanterne*. 3. 13 Juin.

21. Suvorin, A.S. (1868) Rokambol', gosudarstvennyy chelovek [Rocambole, The Statesperson]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 14 (16) August.

22. Paleolog, Zh.M. (2017) *Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii* [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

23. Stroev, A.F. (1998) *Te, kto popravlyayet fortunu. Avanturyisty Prosveshcheniya* [Those who correct fortune. Adventurers of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. *Petrogradskiy listok*. (1916) 21 August.

25. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. List 102 3-e delo-proizvodstvo. 1904 g. [Filing 3. 1904]. No. 3654. Pt. 1. *Ob otpuske deneg na sodержanie sekretnogo otdeleniya diplomaticheskoy agentury* [On giving money for the secret branch of diplomatic agents].

26. Potapchuk, I. (1997) *Russkie sudebnye oratory v izvestnykh ugolovnykh protsessakh XIX veka* [Russian court speakers in the famous criminal proceedings of the 19th century]. Tula: Avtograf.